

вал делать спектакль. Вот как раз этот "Отрывок" мы и показывали. И это был чудовищный провал с моей стороны! Был такой педагог в ГИТИСе Евгений Арье, я его мнение читала. Он на заседании кафедры сказал, что Джабраилова вообще профнепригодна. Правда, через год он при всех взял свои слова назад. Об этой истории я узнала через несколько лет, когда мы уже играли спектакль. А тогда педагоги мне ничего не сообщили, и правильно сделали.

— Вы очень остро реагируете на такие вещи?

— Ужасно. Я подозреваю, что все так реагируют. Артисты ведь очень ранимые существа. Они могут говорить: "Да пусть пишут, ничего!". Но все равно, когда обижают, это сильная рана. Потому что ты тратишься и при этом сомневаешься: все ли сделал правильно. И если тебя начинают бить именно в это место, ты становишься незащищен. А чем ответить? Тогда нужно больше вгрызаться в смысл, в характер, потому что на всех не угодишь. У каждого свой вкус. Критика ведь тоже — дело субъективное. Я даже заметила, что существует некоторая часть критиков, которые всегда будут хвалить одних и тех же артистов в нашем театре. И делать вид, что других в этом спектакле просто нет.

— Неужели ваше мнение никогда не совпадает с точкой зрения критиков? Я говорю сейчас не только о вашей работе, а вообще о спектаклях "Мастерской"?

— Иногда совпадает. Внутри театра мы всегда обсуждаем свои работы. Мы — "сами себе критики". У нас сейчас такой период, когда много параллельных работ, и внутри театра у каждого существует личное отношение к спектаклям. У одних к "Египетским ночам", у других — к "Тунике"...

— Но это — не антагонистические противоречия?

— Бывает и такое. Бывает и неприятие.

— А ваш отец артист Рамзес Джабраилов — строгий критик ваших работ?

— Думаю, что он строгий критик, но так сложилось, что мы с ним никогда ничего не обсуждаем из моей актерской жизни. Поначалу, когда училась, я с ним очень много советовалась, он мне много помогал. У меня даже какие-то записи остались того, что он мне наговаривал. А сейчас мы не садимся с текстом, не работаем. Это, может быть, связано с моим упрямством: я думаю, что нужно пройти все самостоятельно. Если я, действительно, почувствую, что мне нужна помощь, может быть, я приду к нему, и спрошу совета.

— Приглашать своих близких на премьеры — это, думаю, нелегко?

— Да, я сначала всегда волнуюсь, материал бывает сырым. Я всегда думаю, что потом его позову. А потом, это вечное потом, превращается в постоянную величину.

— А вы не хотели бы сыграть вместе с отцом?

— Проблема в том, что ты боишься соврать. Близкий человек знает тебя, как никто другой. Значит, видит, когда ты подлинный, а когда дурака валяешь. Но, если бы сложились обстоятельства, я была бы рада встретиться с папой на сцене.

— Вы в прошлом году совершили длительное гастрольное турне по Европе и Японии. Гастроли — это полезная штука или вредная?

— Если играешь долго одно название (а такое бывает на га-

стролях), тогда можно экспериментировать, пробовать, проваливаться, думать. В этом — плюс. Это принцип, который существует в западном театре. Пятьдесят раз отыграл одно и то же, закрыл — и следующая работа. С другой стороны, скучаешь по репертуару, который постоянно обогащает за счет разнообразия.

— Вы смогли бы сыграть

ва. У меня несколько раз бывало на сцене какое-то особое состояние...

— ...полета?

— Как будто ты отключаешься. Будто ты приобретаешь удивительную легкость и не знаешь, с чем это связано. Оказывается, бывают часы, минуты, когда ты получаешь наслаждение. Меня это поразило: ах, вот зачем люди выхо-

ди, железо и дерево на сцене. И она говорит, что я вдруг пропала, и все начали меня искать: "Где Мадлен?" В театре потерялся ребенок, где его искать, ужас! Застают меня на сцене: я просто стою и у меня такое восторженное лицо! Набираю воздух в легкие и издаю какой-то торжественный звук или "клич". То есть, я, не сказав ни слова, сказала все.

подряд сто раз один спектакль, как на Бродвее?

— Подряд — это перебор. Через сто спектаклей включится автопилот.

— А у вас никогда не было автопилота, даже на гастролях?

— Бывало.

— Может, это знак хорошей актерской техники?

— Не знаю. Я все время удивляюсь тому, что происходит на сцене. Если я думаю, что грандиозно сыграла, тут же начинаю сомневаться. А вдруг то, что я сыграла, — ужасно?! Может, это только мне кажется, что грандиозно?! Или я думаю: "Боже, какой провал сегодня!". А ко мне подходят и говорят какие-то хорошие сло-

дят на сцену! У меня это случилось, когда я вышла на большую сцену. Тогда я поняла, почему молодые девочки идут поступать в театральные школы. Это было ощущение огромной лавины, которая смотрит на тебя, слушает тебя, а ты им можешь еще что-то сказать. Или не сказать. То есть, возникает страшная власть. Но не всегда. Эта лавина в тебя может такие "помидоры" понакидать! Но, с другой стороны, это космическое ощущение полета. Мама мне рассказывала, что был такой случай, когда я была совсем маленькая, и еще даже не разговаривала. В Театре на Таганке стояла декорация "Пугачева": деревянные помосты, какие-то топоры, це-

— Тогда, видимо, в вас этот "наркотик" и попал. Говорят, ученые открыли какой-то гормон в мозге актеров, который способствует наслаждению от сцены.

— На самом деле, почему на сцене проходит заикание, икота, чих, кашель? И ты можешь делать вещи, которые в обычной жизни не сделаешь? Зачем человек идет в артисты, зачем ему это надо? Понятно, что многие идут за славой, все артисты хотят прославиться. То есть, хотят, чтобы их заметили. Но в чем внутренняя, психологическая потребность? Я, например, точно знаю, что у меня это связано с подавлением собственных комплексов. То есть, я знаю, что в жизни я

так не сделаю и не скажу никогда. Все, что я не могу, мне дает возможность совершить сцену.

— Вначале мы вскользь коснулись кино. Как вы к нему относитесь?

— Я обожаю кино. И всегда очень расстраивалась, что всех зовут, а меня нет. Сейчас, правда, спокойней к этому отношусь. Потому что существуют разные подходы, разные вкусы, роли, в конце концов. В театре в этом смысле больше возможностей, шире рамки. В кино не так, там в основном работает фактура. Тут как ни крутись, остаешься ее заложником.

— Чем вам запомнилась "Прогулка"?

— "Прогулка" — фильм радостный, потому что там мы оказались все вместе.

— А сейчас у вас есть что-то в кино?

— Нет.

— Вы что-то для этого предпринимаете?

— А что предпринять?

— Ну, есть какие-то агентства...

— Агентства знают, что есть такой человек. Просто самой ходить и стучаться во все двери... не зазорно, а неловко. Хотя профессия артиста продажная. Я не в такой стадии "попрошайничества", чтобы предлагать себя. Хотя завидую людям, которые могут подойти и сказать: "Возьмите меня в кино, я хорошо сыграю".

— Бывает такое?

— Я видела много раз. Это не плохо, это такой талант у людей. Они в этом талантливы: могут себя предложить, "продать". И они сделают эту роль. Я буду мучаться и рефлексировать: зачем я здесь, может, это не мое. На самом деле это не совсем хороший подход. Актер должен быть лицедеем: "Пожалуйста, я могу все!"

— Наверное, фоменки все такие — "нелицедеи". Однако, вернемся к тому, с чего начали, то есть к нынешнему положению дел в "Мастерской". Как вы думаете, вариться "в собственном соку" — это хорошо, это на пользу делу? Или надо искать разнообразие?

— Конечно, надо искать. Нужны и новые партнеры, и новые режиссеры, я уж не говорю об авторах. Авторы всегда должны быть разные. Потому что ты не успеешь оглянуться, как обрастешь "ракушками". Надо очищаться. Я пытаюсь понять, чего бы я не хотела. Помню, еще в институте Сергей Васильевич Женовач говорил про кого-то: "Это был прекрасный артист". А я не понимала, почему был, он же жив-здоров! А Сергей Васильевич ответил, что талант отошел от него. Ты должен использовать, а главное — преумножать то, что тебе дано. А если ты растерял, потерял, действительно он может отойти.

— А в своих коллегах вы не замечали, что талант от них отходит?

— Нет. Не талант отходит, а просто иногда у кого-то появляется лень. Кто-то отвлекается на другие проблемы. А любая профессия требует, чтобы ей занимались больше, чем всем остальным.

Беседовал ПАВЕЛ ПОДКЛАДОВ

● *М.Джабраилова в спектакле "Отравленная туника"*
Фото Л.ГЕРАСИМЧУК